

## **Рождение русского консерватизма: уроки прошлого**

### **Часть I**

#### **Условия возникновения, особенности и роль во внутренней и внешней политике Российской империи раннего русского консерватизма**

Русский консерватизм в первой четверти XIX века был явлением, во многом родственным западноевропейскому консерватизму, поскольку ранние русские консерваторы разделяли основные ценности, которые были характерны и для их западноевропейских единомышленников, Э. Бёрка, Ж. де Местра, ставящих своей целью защиту ценностей идеализированного традиционного общества [5; 19; 24; 25; 28]. В то же время идейное влияние западноевропейских мыслителей-консерваторов на их русских единомышленников было сравнительно невелико, возникновение русского консерватизма проходило параллельно с западноевропейским под воздействием сходных факторов.

Специфика русского консерватизма была обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в XVIII – начале XIX века стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства; в особенности проект конституционных преобразований, связанный с именем М.М. Сперанского; галломания русского дворянства; наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир 1807 года, Отечественная война 1812 года, а также попытка создания так называемого общехристианского государства в духе деклараций Священного союза, фактически лишившая Православную церковь статуса государственной (с 1817 по 1824 год). Эти явления и события последовательно интерпретировались русскими консерваторами как угроза, ведущая (как это воспринималось в традиционалистско-консервативном дискурсе) к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, Православной церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и т.д. Процессы модернизации, разрушающие самые основы существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности [19; 22].

Несмотря на радикальную галлофобию, присущую многим русским консерваторам начала XIX века, одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, получившей интеллектуальное и нравственное развитие в масонских ложах и западноевропейских университетах, впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, хорошо знакомой с работами ведущих идеологов того времени: Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Гердера. Без наличия этого тонкого слоя европейски

*Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки. E-mail: arkady@vmail.ru*

образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы невозможно или же проходило бы в других формах.

Консервативная идеология и практика были первоначально достоянием отдельных лиц и кружков. Тем не менее консервативное направление в целом оформилось и смогло существенно повлиять на политику самодержавной власти начиная с 20-х годов XIX века. Будучи достаточно хорошо, а порой и блестяще знакомыми с рационалистической культурой Просвещения, довольно умело используя эти знания, представители раннего русского консерватизма создали развитую, изощренную в понятийном отношении систему взглядов.

Исторически первыми в конце XVIII – XIX веке возникли течения консерватизма, ставившие своей целью борьбу с галломанией, то есть с наиболее распространенной тогда разновидностью западничества. На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между «шишковистами» и «карамзинистами» [1]. Карамзинисты ориентировались в своих поисках на разговорный язык элитарных салонов, французские языковые и культурно-поведенческие стереотипы, шишковисты же выступали за общенациональный язык, не только очищенный от иностранных слов и опирающийся на традицию, восходящую к церковнославянскому и древнерусскому литературному языку, но и тесно связанный с языком простонародья: крестьянства, купечества, духовенства, мещанства. При этом позиция Шишкова<sup>1</sup> и шишковистов была отнюдь не столь архаичной и «проигрышной», как ее обычно представляют. В свое время Ю.Н. Тынянов заметил, что Н.М. Карамзин, занимаясь созданием «Истории государства Российского», в известной мере выполнял языковую программу Шишкова [8, с. 4]. Стиль шишковских манифестов в модифицированном виде сохранялся вплоть до 1917 года, став одним из основных средств идейно-политического воздействия монархической власти на народ.

В ходе дискуссии между «шишковистами» и «карамзинистами» консерваторы «оттачивали» аргументацию против галломании, шире – западничества. Галломания значительной части русского дворянства послужила провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма. Франция, ее язык и культура, воспринимались в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившее кровавую революцию и якобинский террор. Консервативно-националистическая риторика вызвала к жизни совершенно карикатурные, вызывающие отвращение и смех образы французов, знакомые нам по лубкам А.И. Теребенева 1812 года. Франция и французы представляли в сознании русских консерваторов как полная антитеза России и русским. А.С. Шишков изображал Францию как некое «зачумленное» место, страну, судьбу которой необходимо предоставить самой себе, предварительно изолировав ее от внешнего мира [6, с. 250–251]. Одна из причин, по которой ряд консерваторов (великая княгиня Екатерина Павловна, Н.М. Карамзин, Ф.В. Ростопчин) приняли самое активное участие в устранении либерального реформатора М.М. Сперанского, заключалась наряду с прочими причинами в том, что он воспринимался ими как центральная фигура ненавистной русским патриотам «французской партии».

Дискуссия о «старом и новом слог» привела к достаточно успешной попытке конструирования консервативно-национальной традиции не только в сфере языка. А.С. Шишков сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального

<sup>1</sup> Об А.С. Шишкове см.: [1; 2; 9; 12; 26; 32].

чувства и преданность самодержавной монархии [1; 12, с. 18–19; 13]. Следует подчеркнуть, что данный вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX века носил оппозиционный характер, противостоял либеральной идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения (членов «Негласного комитета», М.М. Сперанского). Чрезвычайно показателен также был и первоначальный общественный статус А.С. Шишкова и его единомышленников – Ф.В. Ростопчина и С.Н. Глинки. В первые годы XIX столетия два первых консерватора пребывали в опале и вынуждены были сосредоточиться лишь на литературной деятельности, третий же вплоть до начала выпуска журнала «Русский вестник» (с 1808 года) не играл никакой существенной политической и общественной роли. Ситуация изменилась в 1807 году, когда под влиянием военных поражений в антинаполеоновских коалициях 1805 и 1806–1807 годов русское дворянское общество захлестнула волна национализма, имевшего отчетливые консервативные «акценты».

Перед Отечественной войной общественный статус бывших оппозиционеров радикальным образом изменился. По инициативе великой княгини Екатерины Павловны, обаятельной, умной и крайне честолюбивой сестры императора Александра I, являвшейся бесспорным лидером консервативной группировки при дворе, они заняли ряд влиятельнейших государственных постов, получили реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора Александра I. В кадровой политике по сути дела произошел «тектонический» переворот: вопреки своим либеральным установкам Александр I вынужден был сблизиться с «русской партией»; вторым по статусу человеком в империи стал А.С. Шишков, получивший после опалы М.М. Сперанского должность государственного секретаря и выступивший фактически главным ритором-идеологом и пропагандистом Отечественной войны, поскольку именно он был автором большинства манифестов и указов, обращенных к армии и народу. Генерал-губернатором Москвы, наделенным исключительными, фактически диктаторскими полномочиями был назначен Ф.В. Ростопчин. Его афиши наряду с манифестами А.С. Шишкова стали первым опытом массового внедрения консервативно-националистической мифологии в сознание всех сословий второй столицы и ее окрестностей. Военно-политическая роль Ф.В. Ростопчина оказалась чрезвычайно велика: именно он был главным «организатором» пожара Москвы, имевшего стратегическое значение, поскольку сожжение древней столицы объективно предопределило разгром Великой армии Наполеона. Эффективным и популярным пропагандистом консервативно-националистического толка выступил С.Н. Глинка, получивший 300 тыс. рублей – гигантскую по тем временам сумму – на издание журнала «Русский вестник», ведущего эффективную военную пропаганду<sup>1</sup>. В годы войны на первый план выдвинулась еще одна ключевая фигура «русской партии» – А.А. Аракчеев, проявивший себя в предвоенные и военные годы как выдающийся военный и политический организатор<sup>2</sup>. Он «исполнял должность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны» [3, с. 285] и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п., ведя грандиозную работу, без которой невозможно были бы успешные военные действия против Наполеона. Такова же была его роль и в кампании 1813–1814 годов [27, с. 106].

События 1812 года сыграли огромную роль в становлении русского консерватизма. В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабристы были детьми 1812 года и что сам декабризм явился порождением

<sup>1</sup> О С.Н. Глинке см.: [4; 7; 10].

<sup>2</sup> Об А.А. Аракчееве см.: [23; 27; 29; 30; 31].

Отечественной войны. С ничуть не меньшим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме [16; 19]. Консерваторам представилась беспрецедентная возможность для озвучивания своих идей – и это было сделано в манифестах А.С. Шишкова, статьях С.Н. Глинки в «Русском вестнике» (который, в сущности, занимался пропагандой основных идей А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина – покровителей журнала и авторов публиковавшихся там материалов), «афишах» Ф.В. Ростопчина.

Анализ вклада основных идеологов и практиков русского консерватизма в события 1812 года и сопутствующие ему годы показывает, что именно этот год стал решающим в становлении данного идейно-политического направления. Одно из течений русского консерватизма, изначально имевшее галлофобскую направленность, оказалось максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 года, причем нужда в нем была столь велика, что из «маргинального» течения оно превращается в стержневое, вытеснив те идеологические представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, может быть объясним только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 году в условиях национальной мобилизации. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галломания (и, соответственно, галлофобия) дала мощь и силу русскому консерватизму. Напомним, что в этом же году одновременно была скомпрометирована и потеряла политическое влияние знаковая для либерализма первого десятилетия XIX века фигура М.М. Сперанского.

В разгроме конституционного проекта Сперанского (1809) русские консерваторы сыграли определяющую роль. В 1810–1820-х годах в лоне русского консерватизма вызрела концепция самодержавия как проявления национального, самобытного русского духа. Русские консерваторы выступили категорическими противниками ограничения самодержавия. Обосновывая самодержавную форму правления, они использовали аргументы религиозного характера, а также указывали на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России. Особенность русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование ее политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху.

Система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, оказав блокирующее действие на процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 года монархическая власть более не ставила под сомнение статус Православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на Православии.

Существенной составляющей раннего русского консерватизма был национализм [17]. По своим исходным интенциям он был призван противостоять «чужеродным» модернизационным процессам и ставил своей целью законсервировать традиционалистское настоящее. Но, как и национализм, сопровождающий и активизирующий модернизацию, он оперировал понятием мессианского коллективного субъекта, апеллировал к определенным этническим ценностям, конструировал собственную традицию, селективно интерпретируя факты исторического прошлого. Русская история с момента возникновения русского консерватизма стала рассматриваться его идеологами как одна из основных опор консервативно-националистического самосознания. Не случайно Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка были создателями обобщающих трудов по русской истории. Примеры из идеализированной версии русского прошлого первоначально при-

званы были «излечить» галломанию русского дворянского общества. Благочестивые русские цари, патриархи и святые герои-избавители от Смуты XVII века, Суворов – постоянные фигуры в создаваемом консерваторами пантеоне. Исторический опыт для консерваторов – это опыт «выживания» в периоды жестоких кризисов и апелляция к славным воинским победам. По сути дела, консерваторами начал создаваться своего рода культ светских святых, призванный преобразить русское общество в консервативно-националистическом духе. Мифологизированная таким образом русская история с тех пор стала неотъемлемым компонентом практически любой русской консервативной доктрины.

Из-за националистической составляющей русский консерватизм оказался в целом малопривлекателен для полиэтнического правящего слоя и несовместим с имперским универсализмом, насаждаемым абсолютистской властью – в этом одно из объяснений, почему карьера А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина резко оборвалась по окончании Отечественной войны 1812 года, когда отпала необходимость в общенациональной мобилизации. Русский консерватизм с националистической окраской использовался в прагматических целях, и власть отказалась от него, как только непосредственная опасность для нее миновала. Кроме того, национализм не мог не противоречить принципу сословности.

Выходом из этого положения стала интерпретация консерваторами крепостного права как оптимальной формы существования русских в единой патриархальной семье. При этом в консервативной идеологии сохранялась необходимость естественного неравенства и иерархии, но, с другой стороны, народ не воспринимался как принципиально чуждый дворянской элите, более того, низшие сословия могли расцениваться как носители национальных нравственно-религиозных ценностей, в отличие от подвергшегося иностранному разлагающему влиянию дворянства.

Не случайно в рамках консервативно-националистического дискурса был задолго до славянофилов достаточно остро поставлен вопрос о социокультурном расколе, инициированном реформами Петра I. Восприятие русского народа как единого иерархического целого позволяло националистам-консерваторам обращаться со своими идеями не только к образованному дворянскому обществу – через «Русский вестник», «Чтения в Беседе любителей русского слова», но и к простонародью – посредством манифестов А.С. Шишкова и афиш Ф.В. Ростопчина.

При этом консерваторы, как правило, не были сторонниками отмены крепостного права. Некоторые из них принципиально выступали против отмены крепостного права, мотивируя это тем, что крепостное право представляет органически сложившуюся в течение длительного времени опору самодержавной государственности и часть уклада народной жизни. Оно является по сути дела формой патриархальной семьи, где помещики играют роль добрых и попечительных родителей, а крестьяне, соответственно, послушных и благодарных детей. Помещики не заинтересованы в разорении крестьян, напротив, условие процветания помещиков – благополучие их крестьян.

Более сложные представления по крестьянскому вопросу имелись у консерваторов (Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка, А.С. Стурдза<sup>1</sup>), которые прошли при становлении своих взглядов известную школу либерального мышления. Как правило, они не отрицали того, что крепостное право является социально-экономическим и моральным злом, которое в перспективе должно исчезнуть из русской жизни. Однако в конкретной ситуации Александровского царствования они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию как крестьян-

<sup>1</sup> Об А.С. Стурдзе см.: [11; 20; 21].

ства, так и дворянства, и в конечном счете – к социальной революции. С их точки зрения, была необходима масштабная программа просвещения крестьянства, которая стала бы необходимым условием подготовки отмены крепостного права. Впрочем, именно эта часть программы, реализация которой могла бы способствовать смягчению социальных противоречий и уменьшению «издержек» Великой реформы, так и не была осуществлена правительством вплоть до начала масштабных преобразований. В целом же можно констатировать, что воззрения русских консерваторов на крестьянский вопрос зачастую были более умеренными и примитивными, чем у правительственных кругов, взявших курс на подготовку отмены крепостного права путем частных мер (имеется в виду реформа государственной деревни, указ об «обязанных» крестьянах и т.д.). Вообще, в чем и преуспели русские консерваторы, так это не в позитивных программах, а в своих объяснениях, почему крестьян в настоящий момент нельзя освобождать, а также в своих оценках негативных последствий освобождения, если оно все же произойдет<sup>1</sup>. Здесь стоит отметить уникальность нереализованного проекта отмены крепостного права, разработанного Аракчеевым по распоряжению Александра I в 1818 году. Его появление было обусловлено лишь феноменальной исполнительностью Аракчеева, которого невозможно было заподозрить в симпатиях к либерализму на всем протяжении его карьеры.

Консервативно-националистические настроения и взгляды начала XIX века объективно оказались необходимым политическим инструментом для победы в Отечественной войне 1812 года и преодоления галломании у части дворянского высшего общества. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на XVI Всемирном русском народном соборе в октябре 2012 года отмечал: «В годину наполеоновского нашествия на первое место выдвинулась проблема защиты русской культуры, культурной идентичности на фоне глобального натиска франкоцентризма, французского языка и культурных стандартов. Не случайно именно после победы над Наполеоном произошел бурный расцвет русской культуры, русской философской мысли, наступил “золотой век” А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Хомякова, И. Киреевского. Творцам русской культуры была необходима эта победа, чтобы отойти от подражания образцам Парижа и Версаля и обрести веру в силу собственного народа».

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на определенную нечеткость представлений, существенные противоречия между отдельными их группировками, они тем не менее смогли выработать идеологическую систему, которая оказала существенное воздействие на все последующие поколения русских консерваторов. Эта система содержала все основные элементы более зрелых консервативных доктрин, отличаясь от них, пожалуй, более последовательным и органичным антилиберализмом и антидемократизмом (в воззрениях ранних русских консерваторов, к примеру, не содержится даже намек на привнесенные славянофилами в позднейший русский консерватизм идей народной монархии со всеобщим законосовещательным Земским собором, учения о «бюрократическом средостении», отделяющем царя от верноподданного народа, пристального интереса к крестьянской общине, как носительнице патриархальных ценностей и т.п.).

<sup>1</sup> О взглядах русских консерваторов первой четверти XIX в. на решение крестьянского вопроса см.: [18].

## Часть II

### **Основные течения раннего русского консерватизма и его роль в истории России в начале XIX века**

Начнем с рассмотрения церковного консерватизма<sup>1</sup>. Его наиболее яркими и известными представителями в тот период являлись епископ Иннокентий (Смирнов), митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский), митрополит Евгений (Болховитинов), инок Аникита (в миру – князь С.А. Ширинский-Шихматов). Церковный консерватизм не ограничивался рамками клира, его носителями могли быть и миряне (А.С. Шишков, М.Л. Магницкий, А.С. Стурдза, графиня А.А. Орлова-Чесменская). Для этого течения было характерно напряженное и драматичное противодействие западным идейно-религиозным влияниям, прежде всего просветительским идеям и масонству, деизму и атеизму. Можно также отметить достаточно явно выраженное убеждение в особом пути России, связанном с Православием, отличающем ее от Запада и Востока. Представители этого течения остро осознавали уникальность своей религии. В отличие от старообрядчества с его тотальным антизападничеством и неприятием «петровской революции», церковный консерватизм представлял в этом отношении более «мягкий» вариант. Церковный консерватизм не мог быть тождествен учению Церкви, как оно складывалось в более ранние периоды. Это была реакция на вызов Просветительского проекта и косвенно связанных с ним явлений, таких, как фактический отказ от православного характера Российской империи, произошедший после 1812 года и продолжавшийся до 1824 года.

Для этого течения была характерна лояльность существующей монархической власти, что не исключало ее резкую критику, когда, с точки зрения носителей этого направления, «попирались интересы Церкви», нарушалась «чистота веры», разрушалась нравственность, возникала угроза ослабления Православия в результате распространения неправославных и антиправославных учений.

Отметим также, что для церковного консерватизма было характерно почти полное отсутствие интереса к экономической и национальной проблематике. Если говорить о попытках представителей этого направления влиять на жизнь светского общества, то они в основном сводились к мерам запретительного характера в отношении неправославных и антиправославных течений, неприятию радикализма и либерализма, причем последние часто приобретали в сознании церковных консерваторов некую «апокалиптическую», если не прямо фантастическую окраску (так было характерно, к примеру, для архимандрита Фотия (Спасского)). Позитивная программа церковных консерваторов имела узкоконфессиональный характер, обычно ими подчеркивалась необходимость широкого распространения православного образования в качестве наиболее эффективного противовеса неправославным и антиправославным влияниям. Кроме того, церковные консерваторы считали недопустимым в тех конкретных условиях перевод Библии на русский литературный язык вместо церковнославянского, поскольку это подрывало сакральный характер Священного Писания. Имел место и напряженный интерес к проблемам нравственности и необходимости следовать бытовым традициям в той степени, в какой они были связаны с Православием. Этническая русскость этим течением обычно не акцентировалась. Оно скорее носило имперский, универсалистский, нежели националистический характер. Церковный консерватизм особенно ярко проявил

<sup>1</sup> В основе этой части доклада – ряд положений, сформулированных в следующих работах: [14; 15; 19].

себя в первой половине 1820-х годов. Некоторые его представители сыграли очень значительную роль как в истории русской культуры, так и Церкви, например, известный поэт-архаист князь С.А. Ширинский-Шихматов, принявший монашество с именем Аникита, сыграл большую роль в возрождении русского монашества на Афоне. Его миссия в аристократической среде начала XIX века аналогична миссии святителя Игнатия Брянчанинова в более позднее время. Вне влияния идей и практик православной оппозиции трудно представить духовную эволюцию Филарета (Дроздова), пожалуй, самого крупного богослова и влиятельного деятеля РПЦ в XIX веке. Влияние Православия на русский консерватизм было исключительным.

С церковным консерватизмом было достаточно тесно связано течение светского, православно-самодержавного консерватизма. Наиболее видными его представителями являлись А.С. Шишков (с 1803), М.Л. Магницкий, А.С. Стурдза. Проблемы веры приобретали во взглядах представителей этого течения ярко выраженный политизированный характер. Православие в их воззрениях приобретало характер идеологии, противопоставляемой модным в то время экуменическим утопиям. Отсюда – постоянная политическая борьба представителей этого направления с высокопоставленными мистиками и масонами вроде министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына. Представители этого направления, в отличие от церковных консерваторов, выходили за пределы узко-конфессиональной проблематики. Их воззрения охватывали широкий спектр общественно значимых вопросов: постановка вопроса о национальном образовании, о характере подлинно самодержавной власти, об отношениях Церкви и государства, вопросы цензуры, «русского права», самобытной национальной культуры, опирающейся прежде всего на определенные языковые традиции, сословный вопрос, университетская политика, вопросы внешней политики и т.д.

М.Л. Магницкий одним из первых напомнил верховной власти забытую к тому времени идею: «самодержавие вне православия есть одно насилие», то есть деспотизм. Речь шла о так называемой «симфонии властей», восходящей к новеллам императора Юстиниана, и наиболее подробно в дальнейшем разработанной в трудах архиепископа Серафима (Соболева) и М.В. Зызыкина. Для православно-самодержавных консерваторов было свойственно категорическое неприятие конституционализма и либерализма, Просвещенческого проекта как такового. Они совершенно сознательно старались исключить из преподавания рационалистическую философию и естественное право как дисциплины, подрывающие основы самодержавной власти и православной веры.

Если мысль об особой православной культуре содержалась в воззрениях церковных консерваторов скорее имплицитно, то представители православно-самодержавного течения превратили идею сочетания истин веры с истинами науки в государственную политику, попутно решив по-своему проблему воспитания в национальном духе (произошло это, впрочем, уже в царствование Николая I в результате деятельности министров народного просвещения А.С. Шишкова и С.С. Уварова).

Национализм в их воззрениях и действиях прослеживается весьма четко: А.С. Шишкова можно считать одним из тех идеологов, кто впервые стал конструировать националистическую традицию. Что же касается М.Л. Магницкого, то вполне определенно можно утверждать, что в своих действиях на определенном этапе он совершенно открыто руководствовался национальными симпатиями и антипатиями, преследуя в Казанском университете, где он был попечителем учебного округа, так называемую немецкую партию. Вопрос об опасности национализма для имперского универсализма ими, как правило, не ставился, однако их взгляды и соответствующая практика явно вызывали опасения



у Александра I. Культурный национализм был для представителей православно-самодержавного направления одной из важных идейных традиций. Но, повторим, на конфронтацию с имперским принципом представители этого течения не шли.

С известного рода оговорками к представителям этого течения можно причислить Н.М. Карамзина после 1811 года, когда этот великий мыслитель, историк и писатель, проделав длительную эволюцию, практически полностью отошел от либерализма и западничества, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX века – «Записку о древней и новой России», изложив в нем оригинальную концепцию самодержавия и взгляд на роль Православия и русских традиций в истории России. В отличие от А.С. Шишкова и М.Л. Магницкого, Н.М. Карамзин был чужд масонфобии и крайнего антизападничества, отнюдь не был активным борцом с идущим с Запада мистицизмом. Здесь, очевидно, сказался его былой опыт либерализма, масонства, увлечения культурой Запада.

В деятельности Ф.В. Ростопчина совершенно определенно прослеживается то, что можно обозначить как русско-националистический консерватизм. Националистическая составляющая определенно доминировала в его воззрениях (что до известной степени – речь идет скорее об «акцентах»! – отличало его взгляды от взглядов консерваторов православно-самодержавного направления). Разумеется, появление русско-националистического консерватизма было спровоцировано не только галломанией русского общества, но и наполеоновской агрессией, объективно носившей антирусский характер. Уступая по теоретическому уровню вышеперечисленным мыслителям, Ф.В. Ростопчин, мало рассуждая о православной вере и церкви, о самодержавии, оказался одним из ярких творцов русской консервативной националистической риторики. Упор на русское национальное начало, агрессивное неприятие французского, которое одновременно выступало синонимом либерального и революционного – характерные черты того варианта консервативной идеологии, который связан с взглядами Ф.В. Ростопчина. Подчеркнем, еще раз – его взгляды особенно ярко демонстрируют то, что можно обозначить как русско-националистический консерватизм; подобные взгляды можно обнаружить и у других консерваторов, например, у А.С. Шишкова, хотя и не в столь «концентрированной» форме.

В русском консерватизме указанного периода имелись и течения, связанные с масонством. Оговоримся сразу: масонство – очень пестрое и противоречивое явление, не сводимое к одному «идейному знаменателю». Однако нельзя не заметить, что в масонстве Александровской эпохи существовало несколько направлений, имевших достаточно четко выраженную консервативную и даже националистическую окраску. Для масонства в духе журнала «Сионский вестник», издаваемом А.Ф. Лабзиным, наряду с приоритетом «внутренней Церкви» над «внешней», отрицанием церковной обрядности, ставкой на надконфессиональную мистику и экуменизм, были характерны некоторые принципы, вполне родственные консервативным: приоритет монархии, критическое отношение к рационалистической философии Просвещения, культ нравственности. Но если в данном случае можно говорить лишь о некоторых элементах консервативного мировоззрения, то гораздо определеннее была ситуация с «консервативным крылом» русского розенкрейцерства того времени. Обычно его крупнейших представителей, вроде О.А. Поздеева, П.И. Голенищева-Кутузова называли не иначе как ультраконсерваторами и обскурантами. Исходя из положения масонской доктрины, они признавали господствующее положение Православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, а с их точки зрения, лояльный подданный, если он признает государство, стремясь к стабильности и порядку, должен быть членом «внешней Церкви». Более того, на словах

они отвергали противопоставление «внутренней» Церкви «внешней». Будучи антилибералами, противниками М.М. Сперанского, розенкрейцеры ратовали за жесткий контроль над общественной жизнью и умонастроениями, проповедовали антиреволюционный и антилиберальный изоляционизм.

Были в русском масонстве того времени и носители националистических умонастроений. К таковым принадлежал Д.П. Рунич. Ему было свойственно осуждение Петра I за отказ от народных традиций и привычек, разрушение русской национальности. Тем не менее «изуродованная» Россия, с точки зрения Д.П. Рунича, сохранив свою самобытность, должна была преобразовать Европу, разложившуюся под воздействием рационалистической философии и вольнодумства, спасти и возродить человечество, так как русский национальный дух отличается от всех других народов.

Вместе с тем, нуждается в серьезном переосмыслении мистико-космополитическое направление общественной мысли протестантского толка, связанное с именами Александра I (на определенном этапе), А.Н. Голицына, которое ассоциируется с деятельностью Библейского общества, Священного союза, Министерства духовных дел и народного просвещения, попыткой реализации социальной утопии «евангельского» или «общехристианского государства» (термин Е.А. Вишленковой). Будучи официальной идеологией, имевшей поначалу либеральную окраску (для нее было характерно провозглашение равенства людей перед Богом, идея веротерпимости, уравнивания конфессий, отказ от государственного статуса православной религии, филантропия и пр.), это направление со временем под влиянием политических обстоятельств (событий 1819–1821 годов, когда по Западу прокатилась революционная волна) «мутировало» в антилиберальное и антиреволюционное течение. Христианская, стабилизирующе-консервативная составляющая этой идеологии вышла на первый план, что привело к резкому ужесточению цензуры, жестким попыткам внедрить принципы конфессионального образования в светских учебных заведениях, гонениям на либерально настроенную профессуру, ограничению университетской автономии, одобрению запрета масонских лож и т.д. Впрочем, нетерпимое отношение к «православной оппозиции» и иезуитам-традиционалистам было продемонстрировано представителями этого направления и до начала «революционной волны».

Но и либеральный, и консервативный варианты данного направления объективно имели антиправославную направленность, что вызвало сильнейшее сопротивление со стороны «православной оппозиции». Самодержавная власть в рамках этого направления рассматривалась не как порождение национальной истории, а как политическое орудие для воплощения в жизнь утопии надконфессиональной власти, призванной защитить Европу от распространения подрывных учений и революционных потрясений. Разумеется, этот вариант консервативной идеологии не мог иметь в принципе русской национальной окраски. Это был государственный космополитизм, на определенном этапе обретший достаточно ярко выраженный консервативный акцент. Именно отмеченная выше «нетрадиционность» этого направления предопределила его быстрый политический крах и переход, уже в следующее царствование, к иной идеологии.

Помимо этих основных течений, которые явно доминировали, можно выделить «католический» консерватизм (характерный для политической группировки, формировавшейся под влиянием проповеди иезуитов-традиционалистов и, в особенности, деятельности Жозефа де Местра). У него имелись общие черты с русским церковным православным консерватизмом – неприятие просветительской идеологии, экуменизма, «библейской» политики, критика учебных заведений, устроенных по протестантскому образцу, требование введения конфессионального образования в противовес светскому,

борьба с масонством и либерализмом и даже галломанией (последнее было характерно для Ж. де Местра). Однако имелись и существенные отличия, которые исключали даже тактический союз с церковными или православно-монархическими консерваторами. Консерваторам католического толка было свойственно монархическое охранительство, однако самодержавная власть в России трактовалась ими либо как «варварская», либо как «единственный европеец» в варварской стране (в данном случае позитивная оценка относилась к личности Александра I). Следует подчеркнуть и резко отрицательное отношение представителей этого течения к Православию, публично, впрочем, тщательно вуалируемое. Католические консерваторы исходили из необходимости обратить Россию в католичество, разумеется, с одновременным признанием власти папы Римского. Сама Россия («нецивилизованная страна»), как и русский народ, рассматривались большей частью как «пушечное» мясо, которое надлежало использовать в интересах папы и европейских католиков-роялистов. В более поздний, нежели рассматриваемый, период в наиболее концентрированной форме подобные умонастроения нашли отражения в первом «Философическом письме» П.Я. Чаадаева.

В данном случае мы затронули основные течения в русском консерватизме первой четверти XIX века. Их взаимодействие и борьба определили идейную атмосферу того времени, дальнейшую эволюцию русского консерватизма. Разумеется, выделение этих течений условно. Консервативная идеология и практика являлись достоянием отдельных лиц и кружков и были по преимуществу дисперсны, неотчетливы и аморфны, иногда трудноотличимы от других направлений общественной мысли, что было естественно на этапе становления нового идейного направления в условиях авторитарного государства. Тем не менее опыт предлагаемой типологии представляется полезным для историков русской консервативной мысли.

В заключение скажем, что русские консерваторы «первой волны» были талантливыми во многих отношениях людьми, как правило, великолепно образованными и ничуть не уступающими по силе интеллекта своим либеральным и радикальным оппонентам. Наследие ранних русских консерваторов в зародыше содержит практически все основные идеи, характерные для зрелого русского консерватизма.

Русский консерватизм создавался литературно одаренными людьми. Помимо очевидных классиков «первого ряда» – Державина, Карамзина, Крылова, подавляющее большинство создателей русского консерватизма также оставили довольно значительный след в русской литературе и культуре. В меньшей степени это можно сказать о Ширинском-Шихматове, Шишкове, Ростопчине, Глинке. Эта православно-консервативная составляющая «золотого века» русской культуры только в наши дни открывается исследователями (например, в трудах М.Г. Альтшуллера). В значительной мере именно они формировали творческую почву «золотого века» и оказали прямое или косвенное влияние на зрелого Пушкина, Жуковского, Гоголя, Уварова, славянофилов. Невозможно представить себе развитие русской исторической науки без имен Н.М. Карамзина и С.Н. Глинки, создавших именно консервативную, православно-монархическую версию русской истории.

Политика графа С.С. Уварова в области просвещения и цензуры (фактически он явился создателем российской системы университетского и школьного образования) во многом была повторением и развитием тех идей и практик, которые развивали А.С. Стурдза, А.С. Шишков и М.Л. Магницкий. А унификация русского законодательства, осуществленная зрелым М.М. Сперанским, реализовывала консервативные идеи Карамзина о «русском праве», развитые в «Записке о древней и новой России».

Ранние русские консерваторы выступили главными идеологами Отечественной войны 1812 года и внесли огромный вклад в победу над Наполеоном. По справедливости их следует называть «детьми 1812 года». Во многом благодаря их влиянию галломания была существенно ограничена, а Николай I ввел русский язык как обязательный для аристократии.

\* \* \*

История становления русского консерватизма свидетельствует о прямой зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекста. Содержание консервативной идеологии на практике оказалось довольно плюралистичным и конфликтным. Консерватизм ни в России, ни в мире никогда не являлся универсальной идейной системой с четко очерченной системой взглядов. Однако в русском консерватизме всё же достаточно четко прослеживается магистральное направление, которое возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь речь идет о влиянии православной религии на все стороны жизни общества – от быта до политики. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который исторически сформировался в национальном сознании в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального напряжения и сплоченности от государства и народа. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие западноевропейской культурно-религиозной традиции – русское антизападничество (не все течения русского консерватизма носили антизападнический характер, однако они никогда не были господствующими в самой консервативной среде).

Соответственно, на всех этапах развития русского консерватизма главным его течением изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, централизованное государство, имперский патриотизм и, на определенных этапах, русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского дореволюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие – самодержавие – народность» (если кто-то считает термины «самодержавие» и «народность» архаичными и устаревшими, то пусть вместо них подставит «сильное государство», «патриотизм», «национализм»). Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады (или отталкивалась от них). Соответственно, представляется, что современные политические новации, связанные с поиском и разработкой идеологии, опирающейся не на консервативные ценности, не могут игнорировать эти специфические особенности и константы традиционного русского консерватизма. Определяться (либо учитывать, либо аргументировано отвергать, либо как минимум объяснять свое отношение к ним и т.д.) в отношении них придется любой серьезной политической силе, претендующей на роль выразителя консервативных умонастроений. Идеологическую «родословную» в данном случае игнорировать невозможно.

Диффамация русского консерватизма в либеральной и советской историографии XIX–XX веков была, по сути, диффамацией огромной и значимой части русской истории и культуры, насильственным и вульгарным сведением ее поразительного богатства к предельно узкой и тенденциозной версии, первоначально разработанной в «отщепенческих» радикальных кружках. Восстановление адекватных представлений о консервативном наследии в политической и культурной сфере существенно видоизменит наши представления о русской

истории, а значит, позволит адекватно оценить современность и историческую перспективу.

К сожалению, нынешняя ситуация во многом напоминает ту, которая существовала в Российской империи. Со времени радикально-западнических реформ Петра I российская государственность была отнюдь не консервативной по своей природе. Ее космополитические и западно-ориентированные верхи, в том числе династия Романовых, часто делали всё, для того чтобы ограничить и свести на нет как консервативные политические движения, так и деятельность консервативных идеологов и деятелей культуры. В частности, абсолютное большинство в русской печати второй половины XIX века представляли газеты и журналы леворадикального и либерального направлений. Консервативные издания влачили жалкое существование, подвергались диффамации, моральному (и не только!) террору и травле, в том числе на высшем уровне, и, по сути, были маргинализированы. Это сейчас мы изучаем их авторов как великих мыслителей, но в реалиях тогдашней жизни им приходилось крайне тяжело.

Дореволюционная власть апеллировала к русской традиции, русской идентичности лишь тогда, когда имел место цивилизационный вызов, угрожающий самому существованию империи и монархической власти. Например, русский консерватизм окончательно оформляется как течение общественной мысли в огне войны 1812 года, когда на первый план выдвинулись выдающиеся деятели этого направления. Тогда русский консерватизм впервые артикулировал себя, одержал блистательную идейную победу и способствовал грандиозной военной победе над одним из величайших полководцев в мировой истории. Русские консерваторы временно спасли власть в 1905–1907 годах, когда Россия уже погружалась в красную Смуту. Но после того как произошла частичная стабилизация, либеральная бюрократия при пассивном отношении монарха расколола русское консервативное движение и сделала всё для его компрометации. В феврале 1917 года государство защищать было уже некому. В какой-то мере нечто подобное произошло и в 1991 году.

Исторический опыт показывает, что парадигма верховной власти, которая обращается к консервативно-патриотическим ценностям лишь в моменты смертельной для нее опасности и, напротив, максимально их ограничивает, а то и подавляет в относительно спокойные для нее периоды, глубоко порочна и опасна, более того, в определенных условиях чревата социальной и национальной катастрофой. Как правило, для того чтобы эти ценности были актуализированы и востребованы, была необходима угроза революции или большой войны.

## Литература

1. *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007.
2. *Альтшуллер М.Г.* А.С. Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005.
3. *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1.
4. *Володина Т.А.* Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005.
5. *Галкин А.А., Рахмимир П.Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны. М., 1987.
6. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
7. *Киселева Л.Н.* Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 513. Тарту, 1981.

8. Дневник В.К. Кюхельбекера: Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века. [Л.], 1929.
9. *Мартин А.М.* «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998.
10. *Мартин А.* «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С.Н. Глинки (1808–1812) // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Ч. 1. Воронеж, 2004.
11. *Мартин А. А.С. Стурдза* // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005.
12. *Минаков А.Ю.* Франкобесие // Родина. 2002. № 8.
13. *Минаков А.Ю.* «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А.С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Воронеж, 2002.
14. *Минаков А.Ю.* К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3(22). С. 26–31.
15. *Минаков А.Ю.* Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–280.
16. *Минаков А.Ю.* Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма // Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005.
17. *Минаков А.Ю.* Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX в. в России // Вестник Российского государственного университета имени Иммануила Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград: Изд-во РГУ имени И. Канта, 2009. С. 12–17.
18. *Минаков А.Ю.* Экономические воззрения русских консерваторов первой половины XIX в. // Консерватизм: социально-экономические учения: Сб. статей / Под ред. А.Н. Бабаджаняна. СПб., 2009.
19. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
20. *Минаков А.Ю. А.С. Стурдза:* интеллектуальная биография // Общество и власть в России: проблемы взаимодействия. XV – начало XX в.: Межвуз. сб. науч. работ. Воронеж, 2011. С. 45–61.
21. *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.
22. Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005 [Предисловие].
23. *Томсинов В.* Аракчеев. М., 2003.
24. *Фадеева Т.М.* Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов // Социс. 1991. № 12.
25. *Фадеева Т.М.* У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. № 6.
26. *Файнштейн М.Ш.* «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002.
27. *Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев.* М., 1997.
28. *Федорова М.М.* Традиционализм как антимодернизм // Полис. 1996. № 2.
28. *Ячменихин К.М.* Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17–62.
30. *Ячменихин К.М.* «Аракчеевщина»: историографические мифы // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 117–128.
31. *Ячменихин К.М. А.А. Аракчеев* // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005.
32. *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

*Аннотация.* В докладе рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения в первой четверти XIX века как реакции на радикальную модернизацию, предпринятую самодержавной властью в XVIII – начале XIX века. Автор анализирует основные аспекты деятельности ранних русских консерваторов: их центры, идейные течения, влияние на внутреннюю политику Российской империи. В исследовании также предложена типология основных течений в раннем русском консерватизме.

*Ключевые слова:* русский консерватизм, вестернизация, галломания, национализм, «русская партия», роль консерваторов в событиях 1812–1815 гг., типология раннего русского консерватизма.

Minakov Arkady, Ph.D., Professor, Voronezh State University; Zone Research Library at VSU, Director.

#### The Birth of Russian Conservatism: Lessons of the Past

*Abstract.* The report describes the specific features of Russian conservatism in the first quarter of the XIX-th century. Russian conservatism was a reaction to the radical modernization initiated by autocracy in XVIII and at the beginning of XIX century. The author analyses the main aspects of the activity of early Russian conservatives: their centres, ideological trends, peculiarity of their views, their influence on the internal politic of Russian Empire. The study analyzes the role of conservatives in the events of 1812-1815, presented the typology of the early Russian conservatism.

*Keywords:* Russian conservatism, westernization, Gallomania, nationalism, “Russian Rarty”, role of conservatives in the events of 1812-1815, typology of the early Russian conservatism.

**Б.В. Межуев.** Аркадий Юрьевич, если позволите, полемический вопрос. Мне представляется, что слово «националистический» не очень к данной эпохе приложимо. Мне кажется, что главный вопрос русского консерватизма – в какой мере он является чем-то аналогичным европейскому и в какой мере представляет собой альтернативу европейскому консерватизму. С одной стороны, Уваров – человек, который, хотя и искал православие, самодержавие, народность, но не противопоставлял это европейским версиям монархизма, легитимизма, церковности и консервативного народного сознания. Чаадаев – реакционер, реакционер вообще, не пророссийский. Никто даже не обращает внимания, что он поддержал подавление Венгерского восстания 1849 года, а вот Крымскую войну не поддержал. Итак, первую позицию наиболее ярко представляет Уваров.

Вторая позиция – то, что русский консерватизм ничего общего с европейским не имеет, более того, представляет собой антагонизм европейского. То есть это и есть славянофильство. Главное у славянофилов заключается в том, что русская монархия ничего общего не имеет с европейским абсолютизмом, что русская сословность не имеет ничего общего с европейским сословием, что русская церковь – это совершенно иное, чем европейский католицизм. Антикатолическая позиция славянофилов очевидна. Самым ярким выразителем этой позиции является Николай Яковлевич Данилевский. Поразительно, что сегодня внутри нашего консервативного, можно сказать путинского, сознания имеет место недоговоренность, о каком консерватизме, в первом или во втором смысле, идет речь. С одной стороны, мы апеллируем к европейским консерваторам, говорим, что они наши союзники, что они так же выступают, например, против гей-браков, как и Россия. То есть мы делаем намек на то, что мы где-то найдем с ними соприкосновение, против чего явно были бы славянофилы, Данилевский в частности. С другой стороны, наша геополитика формулируется в цивилизационных категориях. Мы сплываемся, сосредотачиваемся на каких-то своих, собственных началах.

Не кажется ли вам, что эта недоговоренность действительно имела место и что для того,

чтобы давать ответы более глубокие, нужно самоопределиться? Или, может быть, не стоит самоопределяться?

**А.Ю. Минаков.** Поскольку форма доклада предпочитает известную краткость, я не стал полностью развертывать некоторые тезисы, но, безусловно, ответы на ваши вопросы имеются. Слово «националистический» вполне уместно для определенных течений в русском консерватизме того времени. Есть определенная историографическая традиция. Например, первая большая программная статья, написанная русскими историками-либералами о русских консерваторах в первой четверти XIX века, была напечатана в юбилейном сборнике, посвященном Отечественной войне 1812 года. Это многотомное издание создавалось коллективом либеральных историков, близких к кадетской партии. В этом издании появилась статья Владимира Николаевича Бочкарева, которая так и называлась «Русские консерваторы и националисты в первой четверти XIX века». И что касается, например, англо-американской или немецкой историографии русского консерватизма, это общее место.

**Б.В. Межуев.** Согласен.

**А.Ю. Минаков.** Если брать работы, например, Александра Мартина, посвященные русским консерваторам первой четверти XIX века, термин «национализм» в определении их взглядов является одним из ключевых. Поэтому я не нарушаю здесь историографической традиции, но хочу подчеркнуть следующее. Конечно же, русский консерватизм нельзя сводить к национализму. Я говорю лишь об определенных элементах, акцентах, которые были характерны в наибольшей степени для Ростопчина. В целом же русский консерватизм в период его возникновения балансировал между имперской и националистической версиями. Те, кто склонялся к национализму, как ни парадоксально, оказались наиболее востребованными верховной властью именно в 1812 году. Будучи в политическом ничтожестве, в опале, Ростопчин был сделан в 1812 году диктатором Москвы, генерал-губернатором и командующим земским ополчением – вопреки тому, что Александр I его лично



ненавидел. Шишков, к которому Александр I относился не лучше, чем к Ростопчину, был сделан государственным секретарем. Этот пост до него занимал Сперанский, который был отправлен в отставку именно как глава французской партии накануне назревающей войны. Таким образом, Шишков занял в структуре российской иерархии второй пост после императора. Но как только русская армия в 1814 году добилась победы, Шишкова и Ростопчина немедленно отправили в отставку. А на следующий день оказались реабилитированы, и это был символический жест, Сперанский и его ближайший тогда сподвижник Магницкий. Мавр сделал свое дело в условиях войны, мавр должен был уйти. На поверхности оставались консерваторы, ориентированные исключительно на имперскую модель.

Теперь в какой степени русский консерватизм представлял альтернативу западноевропейскому. Безусловно, он имел свою специфику, и вы о ней прекрасно сказали. Но в целом русские консерваторы разделяли все те же принципы, которые были характерны для их западноевропейских единомышленников: культ трансцендентного начала, церковности, религии, признание принципа иерархии, эта своеобразная философия неравенства, ставка на те институты, которые в наибольшей степени передают позитивную традицию, – государство, церковь, семью, армию... В этом отношении типологическое сходство безусловно, но дальше начинаются различия, которые были обусловлены прежде всего культурно-историческими отличиями Российской империи, тем, что отличало ее от Запада.

Несколько слов об Уварове. Разумеется, Уваров был имперцем и одновременно человеком, который в наибольшей степени подвергся, так скажем, обаянию и влиянию западноевропейской культуры. Любопытно подчеркнуть то обстоятельство, что на него огромное влияние оказали идеи Жозефа де Местра. Но и Уваров считал себя учеником позднего Карамзина.

И, наконец, комментарий к вашим словам о Чаадаеве как о реакционере. Чаадаев был католиком, точнее – филокатоликом. Именно католический, теократический идеал, близкий к ультрамонтанскому, как раз и выражен в его философических письмах, которые принесли ему наибольшую известность. Великолепно

проанализировал его политические и философские взгляды упоминавшийся здесь Николай Иванович Ульянов. У него есть блестящая статья на эту тему – «Басманный философ». Мне кажется, именно Ульянов в наибольшей степени адекватно отразил взгляды Чаадаева и его роль в русской общественной мысли.

**В.В. Ванчугов.** Мой вопрос на первый взгляд технический, но одновременно мировоззренческий. Архимандрит Фотий был самым энергичным членом «православной дружины». Не кажется ли вам, что в 1825 году, когда он добился аудиенции у Александра, то даже позволил себе анафематствовать Голицына. И Александр пошел на поводу у этой партии. Голицын получает отставку, его перемещают в почтовое ведомство. Не кажется ли вам, что тогда возникла ситуация, аналогичная имевшей место в 1812 году? Тот же самый прагматический расчет, как в 1812 году. Либо тут была какая-то иная механика, и Александр осознал, что тот мир, который он создавал, – Священный союз, новая Европа, наднациональная идеология – потерпел крах, и прислушался к аргументам и доводам этой партии, именно к аргументам и доводам?

**А.Ю. Минаков.** Василий Викторович, спасибо за очень глубокие и интересные вопросы, которых здесь, конечно, несколько. Аналогия с 1812 годом и 1824 годом, когда была осуществлена отставка Голицына, абсолютно законна. Это было одно из ключевых событий в истории Православной церкви, в истории отношения церкви и государства. С этого момента, с 1824 года, императорская власть никогда больше не покушалась на статус Православия как государственной религии. Так что если и были планы – сейчас из прагматических соображений сделаем уступку «православной партии», потом вернемся к старой политике, – эти планы так и не реализовались вплоть до февраля 1917 года.

Уточню. Архимандрит Фотий встречается с императором начиная с 1822 года. Эти встречи ему устраивали и Орлова-Чесменская, и Аракчеев, и Голицын. Именно тогда Фотий доводит точку зрения «Православной дружины» до царя, наконец, так, как мечтала об этом «православная партия» во всей ее полноте.

Существуют две версии. Согласно первой, Александр I до последних минут своей жизни оставался в глубине души либералом и не собирался отказываться от своих проектов, а если и отказывался начиная с 1822 года, когда вышел рескрипт, направленный министру внутренних дел графу Виктору Павловичу Кочубею о запрете масонских лож, то все равно мечтал о либеральном реванше, и только смерть помешала этому. Существует и другая точка зрения: император эволюционировал под воздействием масштабных, всемирно-исторических событий. Начинается вторая революционная волна – Испания, Италия, волнения в германских государствах, начинается Греческое восстание. То есть политика государственного космополитизма, политика Священного союза объективно терпит крах. Кроме того, Александру I, как и другим европейским монархам, становится ясно, что в какой-то мере все эти революции, военные перевороты, осуществленные, кстати, как правило, офицерами, армиями, спровоцированы их же либеральными взглядами, их либеральными проектами.

И последнее, что хотелось бы отметить: крайне малоисследованная тема «Александр I и Православие». До 1812 года он был достаточно индифферентен к религии, его взгляды можно охарактеризовать как деистические. После 1812 года Александр становится глубоко религиозным, но его религиозность носит не вполне православный характер. Он увлекается теми течениями, которые были характерны для западноевропейского мистического протестантизма. После 1822 и 1824 годов – есть свидетельства этому – император начинает сближаться с представителями православного клира, посещает монастыри, ведет длительные беседы с монахами.

**А.В. Черняев.** Аркадий Юрьевич, мой вопрос имеет хронологический характер. Вы никак не обосновали, почему ведете отсчет истории русской консервативной мысли именно с первой четверти XIX века. На чем основано мое сомнение? Мне кажется, вообще консерватизм и модернизм, или консерватизм и либерализм – это некие константы истории русской мысли. Как только можно вычленишь в истории русской мысли какие-то проявления, они дают о себе знать. Это уже и нестяжательство, и иосифлячество. Потом никонианство, старообрядчество.

Такие полюса. Возьмем XVIII век – там расцветает пышным цветом Михаил Михайлович Щербатов. Это консерватор высшей пробы. Другое дело, что его творчество не было известно современникам. Оно благодаря Герцену было опубликовано десятилетия спустя. Трактат «О повреждении нравов в России», «Путешествие в землю Офирскую» и так далее. Была еще одна очень интересная фигура – Иван Посошков, о котором я под руководством Михаила Александровича [Маслина. – *Ред.*] писал дипломную работу. Современник петровских реформ, оригинальный мыслитель, самоучка, самородок, фигура, по масштабу соизмеримая с Ломоносовым. Он написал три достаточно объемные книги. «Книга о скудости и богатстве» наиболее известна. Церковно-полемическое произведение «Зеркало очевидное», где он полемизирует прежде всего с лютеранами, поскольку именно в то время в процессе петровских реформ много иностранцев приезжало из северных европейских стран и реформационные идеи распространялись в русском обществе. Он считал своим долгом этому противостоять. А самое интересное его произведение – «Завещание отеческое». Это такой домострой, моральный катехизис. Он сторонник господствующей церкви и царской власти. Он просвещенный консерватор, но в то же время считает, что реформы должны быть ограничены, что они ни не должны затрагивать духовную, религиозную, церковную и культурную сферы. Эти все сферы он считает необходимым законсервировать. То есть такой консерватор, который не просто какие-то отдельные импульсы, какие-то идеи высказывает, – у него развернутая программа. Впрочем, полагают, что начинать надо даже не с Посошкова, а гораздо раньше. А консерватизм рассматривать как один из полюсов в истории русской мысли.

**А.Ю. Минаков.** Спасибо, Анатолий Владимирович. Вопросы, которые вы задаете, вполне законные, и споры об интерпретации и периодизации русского консерватизма ведутся не одно десятилетие. Но если следовать той логике, о которой говорите вы, то русский консерватизм можно начинать со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, с X века. В историографии русского консерватизма по-

давяющее большинство авторов следует тем принципам, тем методологическим подходам, которые были выдвинуты Максом Вебером. Он выдвинул концепцию, которая четко отделяла так называемый традиционализм от, собственно, консерватизма. Это родственные явления, безусловно, но консерватизм – явление Нового времени. Возникает консерватизм со всем его понятийным аппаратом, проблематикой в последней четверти XVIII века. Процесс идет параллельно как в Европе, так и в России, в Европе чуть раньше, в России чуть позже. Что же касается всех тех авторов или направлений русской мысли до начала XIX века, то эти явления следует называть традиционализмом или предконсерватизмом. Повторяю: в России только с 1801 года были созданы условия для свободного обмена идеями. До этого имела место очень жесткая цензура. И сама возможность высказаться, вступить в полемику, в общественную дискуссию, опубликовать такие манифесты русской консервативной мысли, как, например, трактаты Шишкова о полемике между старым и новым стилем русского языка или трактат его о любви к отечеству, стали возможными только в Александровское царствование. Поэтому скажу так: с моей точки зрения, и «Домострой», и споры между нестяжателями и иосифлянами, никонианами и старообрядцами – это всё чистой воды традиционализм. Что же касается таких авторов, как Щербатов, то я мог бы добавить в этот ряд Фонвизина, Сумарокова, Болтина и еще ряд выдающихся людей русской мысли и культуры. Это предтечи русского консерватизма. Да, в их воззрениях уже наличествует определенная консервативная компонента, но характеризовать их взгляды как уже сложившиеся, зрелые, целостные, как ранний консерватизм, представляется и методологически неверным, и практически неосуществимым. Уже несколько исследователей пытались разработать эту тему, показать, что русский консерватизм существовал и во второй половине XVIII века, но ни одной работы так до сих пор и не появилось. Это исключительно сложная, а возможно и неразрешимая задача.

**А.В. Черняев.** Понимаете, все, что вы сейчас сказали, не опровергает того, что сказал я, за исключением того, что вы апеллируете к Макс

Веберу. Но Макс Вебер – это не догма. То есть он, может быть, так развил свою концепцию, но рассматривал конкретное историческое явление.

**Б.В. Межуев.** В этом споре я готов поддержать позицию Аркадия Юрьевича [Минакова. – *Ред.*], потому что все-таки действительно консерватизм, в отличие от традиционализма, существует в контексте полемики с какими-то концепциями прогресса, развития. Само по себе упоминание о том, что в старину было лучше, а сейчас люди развратились, характерно для всех эпох начиная с великого Катона. Это само по себе не является основой собственно консервативной идеологии, которая существует в контексте идеологии Нового времени и в первую очередь идеи Просвещения.

**А.Ю. Минаков.** Традиционализм и консерватизм чрезвычайно близки. Традиционализм – это тот бульон, та питательная почва, на которой вырастает консерватизм, но консерватизм все-таки имеет свою специфику. И в Европе, и в России это была реакция на идеи и политические практики Просвещения, либерализма, социализма. Только там и тогда, где и когда появляются эти явления, идет реакция на них, которую можно назвать консервативной.

**М.А. Маслин.** В России все это вместе вдруг появляется. Пушкин одновременно и классик, и романтик, и сентименталист. Одновременно. И первое, и второе, и третье – не противоречит.

**А.Ю. Минаков.** Апеллировать в качестве доказательств к отдельным фигурам контрпродуктивно. Нужно брать идеологию и практику консерватизма в целом. Обращает на себя внимание такая тенденция: практически все крупнейшие деятели консерватизма, как идеологи, так и практики, начинали как левые, как либералы, а заканчивали как убежденные консерваторы. Карамзин, Уваров, Магницкий, славянофилы, Тихомиров – ярчайший пример, Достоевский, Данилевский, тот же Ильин, который эсерам бомбы таскал поначалу. То, что человек эволюционирует, в данном контексте, мне кажется, ничего не доказывает.

**В.В. Ванчугов.** То есть консерватизм – это возрастное, да? К пятидесяти годам мы все становимся консерваторами.

**А.Ю. Минаков.** В какой-то мере, наверное, да, если брать статистику. Карамзин начинал как один из талантливейших российских либералов, как адепт русских масонов, которые сделали ему беспрецедентный литературный и общественный пиар. Это был сторонник идей Просвещения. Это был яркий западник, который предпринимает путешествие в Европу для того, чтобы создать свои знаменитые «Письма», чтобы показать Европу как подобие земного рая. Но, оказавшись свидетелем событий Французской революции, осознав, осмыслив эту практику, он примерно с 1795 года, что называется, правее. А с 1802 года, когда начинает издавать журнал «Вестник Европы», – он короткое время был его главным редактором – его взгляды приобретают уже совершенно четкую консервативную окраску. В 1811 году в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» он высказывает квинтэссенцию уже сложившейся системы консервативных взглядов. Повторяю, это характерно для многих видных представителей консервативного лагеря. Причины, по которым это происходит, самые разнообразные, но разговор сегодня у нас не об этом.

**Б.В. Межуев.** Спасибо. Я завершаю. Думаю, что никаких заключительных слов говорить не нужно. Еще представится случай поговорить, многие вопросы о русской мысли остались нераскрытыми. Предлагаю всем публиковаться на нашем сайте [politconservatism.ru](http://politconservatism.ru) (Русская idea), который мы с Василием Викторовичем [Ванчуговым. – *Ред.*] по мере сил пытаемся развивать.

Буквально пару слов по поводу сайта «Русская idea». В русской культуре большую роль играет заимствование внешних стилей, в основном с Запада, с внесением туда какого-то своего содержания. Это всегда очень противоречиво. Русский символизм, например. Многие из русских символистов хотели подражать западным, а основные русские символисты – Блок, Белый – хотели выразить религиозную идею, национальную идею в стилистике западных символистов. И русская философия в целом возникла как в чем-то псевдоморфоз. Русские философы, особенно религиозные философы XIX века, хотели использовать немецкую философию для выражения какой-то собственной религиозной идеи. И это всегда проблема. Это всегда противоречие. Эта борьба

между формой и содержанием никогда не бывает легкой. Иногда форма побеждает, иногда содержание. Видимо, Достоевскому удалось использовать Диккенса и Бальзака для выражения чего-то большего, чем Диккенс и Бальзак. Удалось ли Владимиру Соловьеву то же самое по отношению к немецкой философии, как он сам писал в письмах к своей кузине? Русская фантастика является сегодня чем-то подобным – когда западная фантастика используется для изображения какой-то русской утопии. И для того чтобы объединить такие различные направления, мы использовали термин «русская идея», что связано и с Бердяевым. Может ли быть какой-то новый русский культурный стиль, который был бы настолько плодотворен, насколько плодотворны были русская философия, русская поэзия? Можно ли создать какое-то новое, подобное прежней великой русской культуре, великое культурное направление. Мне кажется, оно всегда будет иметь такой псевдоморфозный характер. Это некая парадигма русской культуры. Русская культура не существует исключительно в своих формах. Но, с другой стороны, она существует в борьбе с чужими. Так же и консерватизм. Все-таки консерватизм во многом идет с Запада. Не буду сейчас хрестоматийные вещи говорить. Очевидно, что большую роль играла немецкая традиция.

И сегодня та же самая проблема. Европейские, американские консерваторы – это братья нам по душе или это чужие люди? Те люди, которые в Европе борются за консервативные ценности, за католицизм, за традиционную семью, – это те люди, с которыми Россия должна искать общий язык, или это, наоборот, люди, которые борются за именно свои ценности, а не наши? Мне кажется, до сих пор это является проблемой.

**А.Ю. Минаков.** Относительно не раз упоминавшегося Жозефа де Местра. Типологически, по принципам своим он очень близок к русским консерваторам. Но при всем при том самодержавие он считает дикой татарской властью, русский народ – пушечным мясом, для того чтобы освободить роялистскую Францию от Наполеона, Православие – ничтожной религией. То есть при общности принципов он остается русофобом.

**А.В. Черняев.** Такой консерватизм не может быть нашим союзником.